

У дверей гамбургского трибунала над переводчиком

Вячеслав Данилов

ВЯЗЬ философии с переводами наиболее болезненным образом переживается, наверное, только в одной стране мира, где даже тележурналисты (лучшие из них — с филологическим образованием) все 90 минут футбольного матча вместо игры команд готовы обсуждать особенности произношения фамилий игроков. Скандал о переводах — национальный вид интеллектуальной забавы, который наиболее ярко проявляется в трех направлениях человеческой деятельности: в литературе, спорте и философии. Поругаться из-за переводов: но вряд ли для того, чтобы познакомиться и стать друзьями, скорее, чтобы расстаться врагами навсегда.

Литературные скандалы о том, как лучше переводить «The Catcher in the Rye» — «Над пропастью во ржи» или «В овраге под пшеницей», или кто именно имеет право переводить сагу о Гарри Поттере, а кого нужно за «такой» перевод сослать в ГУЛАГ, встречаются часто, но ничто не сравнится с местной философией по накалу страстей и той готовности, с которой бросаются обсуждать «правильные переводы».

Уже давно не платят за переводы серьезные деньги, сама профессия переводчика все больше теряет статус, перевод давно уже — не форма эксклюзивного доступа к тексту, а часто — и к переводимому автору. Сегодня кажется, что все, в общем-то, уже выучили языки и не нуждаются в переводчиках, а утопия Александра Пятигорского о России без переводов вроде бы начинает сбываться. Но, тем не менее, жанр переводческого скандала не умирает и, кажется, будучи чуть ли не единственной формой консолидации местных интеллектуалов, рискует пережить всех нас.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ НОВЕЙШИХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СКАНДАЛОВ

Любой российский гуманитарий, а получивший философское образование в особенности, так или иначе соприкасается с миром переводов, неважно, пассивный он их потребитель или же активный производитель. Достаточно часто для того, чтобы иметь статус академического философа в России требуется наличие переводческих навыков и изданных переводов. Заниматься философией — не значит ли просто-напросто перевести? А вести философский диалог — не означает ли тогда всего лишь вступать в поле взаимоотношений относительно переводов? А потому не так уж и трудно неведомо для себя либо оказаться в эпицентре очередного скандала о переводах, либо стать его вольным или невольным свидетелем.

Многие из подобных скандалов не становились публичными, в особенности, если речь шла о неоплаченной работе переводчика или редактора или же об издании перевода вообще без редактуры или корректуры. Что-то публиковалось без прав, кто-то просто воровал переводы и издавал под своей или подставной фамилией — таких историй в философской академии вам могут рассказать много. Иногда о кипящих за воротами издательств страстях можно узнать лишь по незначительным сигналам, таким, например, как исчезновение имени научного редактора (Олега Аронсона) с титульного листа нового издания перевода книги Делёза о кино¹, которое вполне присутствовало в издании 2004 года. Лишь малая часть переводческих скандалов была вынесена на публику. И в основном это скандалы из-за того, из-за чего, в связи с вышеперечисленным, ругаться имело бы смысл в последнюю очередь — из-за «качества» переводов.

Примером такого непубличного скандала стала история с первым изданием «Логики смысла» Делёза на русском языке². Перевод книги свалился на читающую публику неожиданно — прежде всего для тех, кто, как тогда говорили, долго готовил это издание в другом переводе. Книге предъявили массу обвинений. В частности, утверждалось, что «Логика смысла» перевели с английского, а не французского, что переводчик вообще ничего не понял в переводимом материале, что понял — то переврал, а что не понял — то дал подстрочником. Отчасти эти — как оправданные, так и вымышленные — обвинения были сняты последующими переизданиями с коррекцией перевода (1998,

1. *Делёз Жиль*. Кино/Пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Ad Marginem Press, 2012.

2. *Он же*. Логика смысла/Пер. с фр. Я. Свирского. М.: Академия, 1995.

2011). Как заявил в личном разговоре сам автор перевода, дискуссия о переводе книги исчерпала свой предмет. Но осадок все же остался.

Впрочем, переводческие скандалы, как правило, не имеют ничего общего с реальными проблемами качества переводов, а уж к проблемам «непереводимостей» и «идиом» тем более. Обычно они возникают тогда, когда нарушается чей-либо воображаемый копирайт на переводческую активность. Иногда за этим стоят различные финансовые интересы, порядки распределения грантов и тому подобное.

Типичным примером такого замешанного на деньгах скандала оказалась история с переводом одной важной книги Жака Деррида. В 1999 году Дмитрий Кралечкин, имевший на тот момент статус выпускника философского факультета МГУ, за несколько месяцев перевел — причем довольно прилично, хотя и не без огрехов, разумеется, — и опубликовал свой перевод «Письма и различия»³ быстрее, чем сразу трое авторитетных специалистов⁴, трудившихся над книгой несколько лет. Курьез состоял в том, что и московская (Кралечкин), и питерская (Лапицкий) публикация «Письма и различия» состоялась в двух разных издательствах... с одним и тем же названием — «Академический проект». Нетрудно понять обиду трех мэтров, которые готовили перевод культовой книги на средства грантов, ведь какой-то никому доселе не известный студент сделал все то же самое за, вероятно, меньший гонорар. Рынок переводов в случае с Деррида и Делёзом неожиданно раскрылся, и старым игрокам было необходимо что-то противопоставить демпингующим новичкам, не вступая в прямую конкуренцию.

Возможно, именно поэтому скандал не вышел быстро на страницы научной прессы, в отличие от некоторых других. На представительном круглом столе, где будут обсуждаться переводы Деррида⁵, перевод Кралечкина будет обойден молчанием так, как будто бы его и не было вовсе. А одному облеченному академическим статусом известному переводчику — Наталье Автономовой — достанет смелости обозвать московское издание «Письма и различия» «пиратским»⁶.

3. *Деррида Ж. Письмо и различие*/Пер. с фр. Дмитрия Кралечкина. М.: Академический проект, 2000.

4. *Он же. Письмо и различие*/Пер. с фр. А. Гараджи, В. Лапицкого, С. Фокина. СПб.: Академический проект, 2000.

5. Наш Деррида? (Анализ рецензии и стратегии перечтения) «Круглый стол» в редакции «НЛО» 22 ноября 2004 г. // Новое литературное обозрение. 2005. № 72.

6. *Автономова Н. Урок письма*// Там же. С. 101.

Впрочем, далеко не всегда за заботой о чистоте переводческих рядов грезится материальный интерес. Иногда речь идет и о моральной защите дисциплинарного копирайта. Пожалуй, самой нашумевшей за последние годы стала история с переводами понятия *proposition* в текстах англо-американских философов XX века. Дело «Ледников против Суровцева» имело серьезнейший резонанс, а письма с обвинениями и почти что эксплицитной лексикой публиковались в реферируемых журналах ВАКовского списка⁷. Душа профессионального философа науки и логика по образованию Евгения Ледникова не выдержала такого, с его точки зрения, издевательства над русским языком и логическим смыслом рассуждений Рассела, Рамсея и Куайна в переводах «Томской школы». (Ледников — Суровцеву: «Ваша научная нечистоплотность, г-н Суровцев, становится очевидной любому непредвзятому читателю»; «Г-н Суровцев! Во-первых, перестаньте врать! Не надейтесь, что вам удастся долго вводить в заблуждение философское сообщество по поводу уровня вашей квалификации»⁸). Однако борьбой на публичном фронте Евгений Ледников не ограничился. Скандал о переводах плавно перетек в борьбу «с филологами», которые не только «неправильно переводят» аналитиков, но и «неверно трактуют» их учение. Пострадавшей стороной оказались «филологи» Максим Лебедев и Алексей Черняк, выпустившие к тому моменту монографию в аналитическом стиле⁹. Ледников сделал все, чтобы Максим Лебедев не смог защитить докторскую диссертацию. Но все-таки не совсем всё.

История этого конфликта показательна для демонстрации реального той переводоведческой метафизики, которая скрывается обычно за высокопарными рассуждениями о просветительской миссии. «Логики» (разумеется, в рядах «логиков» были не только профессиональные специалисты) уличили «филологов» (хотя в их рядах собственно филологов не так уж и много) в том, что те игнорируют сложившуюся практику переводов ключевых понятий. Но умалчивалось то, что эта практика сложилась в довольно узком дисциплинарном пространстве, как и то, что с тех пор данное пространство существенно деформировалось под влиянием новых работ, которые «логики» то ли не могли, то ли не хотели переводить на русский.

7. См., напр.: Логос. 2003. № 2 (37); Вопросы философии. 2000. № 7 и 2001. № 12.

8. Ледников Е. О стиле ведения полемики г-ном Суровцевым В. А. // Логос. 2003. № 2 (37). С. 159.

9. Лебедев М., Черняк А. Онтологические проблемы референции. М.: Праксис, 2001.

Поле, где реализуются усилия переводчика, никогда не нейтрально. Оно уже заранее расчерчено силовыми линиями персональных интересов и институциональных инвестиций, которые находятся в конфликтном, но все-таки поддерживающемся балансе. Причем баланс символического поля достигается не за счет уравнивания интересов, компромиссов, разделения сфер влияния и подвижного консенсуса, то есть всего того, что определяет стандартную публичность. Наоборот, речь идет о контроле всего поля целиком, всего пространства интеллектуальных инвестиций и символических игр. Новому участнику рынка переводов предлагается принять определенные правила игры, которые могут быть сколь угодно запутанными и невротичными. Предполагается, что эти правила не взялись откуда-то с небес, но являются продуктом серьезной школы, где для определенных текстов и авторов выработан способ их ретрансляции. В него входит не только система правильных переводов терминов — это лишь верхняя часть айсберга, уходящего во внутри-институциональные глубины и тусовочные тайны.

Перевод профессиональной литературы — это не просто техника автозамены терминов, иначе с нею бы справился Google Translate или... любой литературный переводчик. Но последние игнорируют пространство смысла, которое может быть развернуто лишь благодаря «традиции» (даже если такой еще нет). В то же время институционализованная профессиональная группа или, если проще, традиция перевода имеют свои отношения с источником, переводя их в режим интимности. Так что новичку остается лишь смотреть через щелку на «первичную сцену» перевода, не понимая, что же именно там творится, и волнуясь, не пора ли звонить в милицию. В этом смысле любой внешний для структурированного поля агент оказывается в незавидном положении. Его усилия в работе над продуктом, каким бы качеством он ни обладал, ни за что не получают признания, поскольку литературный перевод, если переводчик не был подключен к «традиции перевода», всегда заведомо окажется в проигрыше, ведь такой переводчик попросту «не понимает» того, что видит в тексте, он буквально смотрит на него *невооруженным* глазом. Подобные переводы навсегда останутся «детскими», продуктами интеллектуальной мастурбации. Ведь у переводчика-«ребенка» нет никакого доступа к телу «источника», каким бы тот ни был (либо он не может распознать в источнике источник). *Источник* может быть похож на кого угодно и что угодно — на автора, на событие (какой-нибудь «великий семинар» в Дубровнике), на место или отрезок времени, маркируемый поколенчески, на институт (ИИЕТ или ИМРД), на кафедру или сектор, на группу друзей. В конечном итоге источник уни-

кален, а «традиция перевода» — это способ сохранить его уникальную природу и не допустить к нему всяких «хулиганов», которые буквально готовы «лишить зрения» — средства верного чтения и понимания источника.

Описанный случай — один из тех, когда «хулиганами» объявляются выходцы из иного дисциплинарного лагеря. Схожий случай произошел с изданием книги Эрвина Гофмана «Ритуал взаимодействия». Здесь социологи и психологи не смогли «поделить» важного автора. В результате дискуссии с различными рецензентами от грантодателей издание перевода этой книги тянулось с 1999 года¹⁰. В этой дискуссии отразилось множество идеологических алиби, которые академические полицейские эксплуатируют при защите своих воображаемых прав. Здесь и ссылки на традицию перевода Гофмана, которой к 1999 году еще толком не возникло, претензии к «качеству» перевода, разговоры о том, что перевод не должен быть «подстрочником» и — наоборот! — претензии к тому, что он «слишком вольный», и даже удивительные требования учесть взгляд иной научной дисциплины на автора, который посредством данного перевода будет «наконец-то» представлен публике.

Однако описанный выше кейс сделал свое дело — монополия логиков на перевод, издание и интерпретацию текстов аналитической философии, в отношении которых они вели себя как собака на сене, была если не разрушена, то всерьез поколеблена. Забавно, но в удержании дисциплинарного копирайта были заинтересованы зачастую далеко не только носители титульного дисциплинарного этоса. Для примера: разгром уже вышеупомянутым Валерием Суровцевым уличенных в «логической безграмотности» переводов Витгенштейна¹¹, которые были выполнены Вадимом Рудневым в конце 90-х.

Переводческие скандалы вокруг неожиданно ставшей снова модной в 2000-е годы фигуры Фридриха Ницше демонстрируют обе традиционные составляющие: и материальный интерес, и «не могу молчать», которое скрывает обыкновенно претензии на корпоративный копирайт. Талантливый и злой рецензент Игорь Чубаров (ИФ РАН) успел здорово отметить в конфликте с Владимиром Мироновым (МГИМО), спродюсировавшим еще один «нелегальный» перевод и издание Ницше¹². (Чуба-

10. См. подробнее: *Леонтьев Д. А., Богомолова Н. Н., Трубицына Л. В.* Как переводить Эрвина Гофмана: история этой книги/Гофман Э. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009.

11. *Суровцев В. А.* Божественный Людвиг? Бедный Людвиг// *Логос*. 1999. № 2.

12. *Ницше Ф.* Воля к власти/Пер. с нем. Е. Герцык и др. Сост. и общ. ред. В. Миронова. М.: Культурная революция, 2005.

ров — Миронову: «ницшевед-энтузиаст», «экстремальный политолог», «...причитает т. Миронов», «новоявленный дерессентиментор» и т.д.; Миронов — Чубарову, угрожающе: «...философ Чубаров рискует остаться без работы»; «Нам, в отличие от нашего рецензента, неизвестно, любит ли Б. А. Березовский заглядывать в ницшеанские „бездны“, но приватизация в постсоветской России была проведена вполне по-ницшеански»¹³).

Чуть более поздний случай обсуждения переводов Ницше не таков. Хотя о причинах, которые послужили поводом для атаки уральским профессором философии Александром Перцевым классических для советского читателя переводов Ницше в исполнении армяно-немецкого мыслителя Карена Свасьяна, также остается лишь догадываться (Перцев — Свасьяну: «Переводчиков Ницше следует делить на русских и Свасьяна»¹⁴). Однако последовавший обмен репликами благодаря усилиям участников все-таки приблизился именно к стандартам академической дискуссии, а не к практике коммунальных выяснений отношений, хотя без перца не обошлось и тут (Эбаноидзе — Перцеву: «Перцев озвучил все „пацанские“ ассоциации не хуже эстрадного юмориста»¹⁵; Свасьян — Перцеву: «Я бы поостерегся сказать, к чему еще, кроме философии, нельзя подпускать Перцева»¹⁶).

На фоне этих громких и относительно недавних историй почти забывается вялотекущая тяжба о бибихинских переводах Хайдеггера, вопрос права на издание переводов Гуссерля, как и вообще права говорить о таких мэтрах без лишних придыханий и прочей диакритики, а ведь этим темам «Логос» отводил гигантские площади еще в ранних «толстых» номерах. Сегодня уже трудно без ностальгической улыбки читать пространные рассуждения их участников об «удивительном языке хайдеггеровской мысли»¹⁷.

Вероятно, материалы переводческих скандалов могли бы стать хорошим предметом для социолога науки, анализирующего девиации дискурса российских гуманитариев. В особенности интерес могли бы представлять техники публичного оскорбления коллег по цеху — это, согласитесь, большое искусство — написать статью так, чтобы и в рецензируемом журнале опубликовали, и чтобы адресат ее был всерьез обижен. Оскор-

13. По поводу нового издания «Воли к власти» Фридриха Ницше// Критическая масса. 2005. № 3–4.

14. Перцев А. В. О русских и русскоязычных переводчиках// Хора. 2008. № 3.

15. Эбаноидзе И. Ницше — между переводом и интерпретацией// Пушкин. Русский журнал о книгах. 2009. № 2.

16. Свасьян К. Перцев и Ницше// Там же.

17. Философия М. Хайдеггера: Круглый стол. Участники: В. Бибихин, В. Подорога, В. Молчанов, В. Малахов и др.// Логос. 1991. № 2.

бить и унизить — но остаться в рамках приличий — нетривиальная задача. Возможно, показательной будет дискуссия между Андреем Олейниковым и Мариной Кукарцевой о переводах голландского философа истории Фрэнка Анкерсмита. (Олейников — Кукарцева: «Жаль, что столь „сверхъестественные“ напасти обрушились на такую хорошую книгу»¹⁸. Кукарцева — Олейникову: «Рецензия, написанная Андреем Олейниковым, есть неосмысленное соединение бездоказательных заявлений, глупых претензий на монополию в понимании, переводе и интерпретации идей Франклина Анкерсмита и безудержного самодобования»¹⁹).

Но все это — кейсы, где между дискутирующими есть время и пространство письма, тогда как, к примеру, в случае с обсуждением перевода книги Делёза «Складка»²⁰ известный филолог и пропагандист постструктурализма Сергей Зенкин столкнулся с критиками лицом к лицу. Но даже непосредственное присутствие коллеги по цеху не слишком-то позволило удержаться в рамках академических приличий (Зенкин — Сабуртало: «Поскольку я по квалификации филолог, то меня Григорий Сабуртало заранее записал в кастраторы, так что я теперь должен соответствовать...»). Иначе бы не пришлось непрерывно «обнулять» ситуацию диалога риторикой о взаимном уважении, напоминающей стилистически беседы подвыпивших мужчин (Скуратов — Зенкину: «Я берусь найти ошибки разного плана даже в переводах уважаемого мной специалиста экстракласса С. Н. Зенкина». Вопрос: зачем?²¹). На том же мероприятии, консенсус все-таки был найден в образе очередных врагов — «нелегитимных» переводчиков Мишеля Фуко Светланы Табачниковой, Андрея Пузырея и Сергея Фокина из Петербурга, штампующего переводы- (якобы) подстрочники французских постмодернистов.

У большинства состоявшихся переводческих скандалов есть одна интересная особенность — они завершились ничем²². Дис-

18. Неприкосновенный запас. 2004. № 4 (36).

19. Неприкосновенный запас. 2004. № 6 (38).

20. Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко/Пер с фр. Б. М. Скуратова. М.: Логос, 1997.

21. Круглый стол в секторе аналитической антропологии ИФ РАН: Русские переводы Ж. Делёза, Ф. Гваттари, М. Фуко, Ж. Батая и др. Участники: В. А. Подорога, М. К. Рыклин, С. Н. Зенкин, Н. Б. Маньковская и др. // Логос. 1999. № 2.

22. Кроме, разве что, одной забавной подробности. Многие из раскритикованных переводов впоследствии переиздавались, причем неоднократно. Перевод Вадимом Рудневым «Винни-Пуха» был переиздан четыре раза (1994, 1996, 2001, 2010). Перевод Дмитрием Кралечкиным «Письма и различия» Деррида — два раза. Перевод Яковом Свирским «Логика смыс-

куссия, если ее так можно назвать, спускается обратно ко дну, где постороннему не видна подводная часть айсберга институциональных разборок, межгрупповых конфликтов и персональных амбиций. Но если полагать, что публичные проявления активности интеллектуалов обладают презумпцией на титульные квалификации, то можно, почти не боясь ошибиться, утверждать, что все происходящее в отечественной философии сегодня — это лишь продолжение войны переводов другими средствами. Вопрос лишь в том, является ли такая война чем-то, что определяет «идиом» национальной философии, или же у нее есть еще что-то «непереводимое»?

ЭТО ФИЛОСОФИЯ, ДЕТОЧКА, ЗДЕСЬ МОЖНО ВСЕ

Возможно, каждый уважающий себя российский интеллектуал обязан выпустить хотя бы один номер «Логоса». Номер 5/6 за 2011 год поручили сделать одному из самых продуктивных и одновременно обижаемых переводчиков французских постструктуралистов — Сергею Фокину. На рубеже 1990-х — 2000-х состоялось немало разнообразных «товарищеских судов» над переводчиками, их стенограммы любезно публиковали интеллектуальные журналы. На «стороне добра» обычно выступали самозванные держатели виртуального копирайта на импорт текстов, на «стороне зла» — самозванные нелицензированные контрабандисты, в числе которых временами оказывался и Фокин. Так случилось, что большую часть критики переводы Фокина получали от вполне определенной группы столичных интеллектуалов, оформившейся внутри и вокруг сектора аналитической антропологии ИФ РАН и ее лидера — Валерия Подороги. В номере «Логоса» Сергей Фокин получил шанс нанести ответный удар от «пиратской империи» и выразить свою личную позицию, которая на подобных судилищах звучала редко. Ибо суд этот, Гамбургский трибунал по вопросам перевода, готов был заседать не только в отсутствие адвокатов, но и в отсутствие подсудимых. Часто имена этих подсудимых даже не озвучивались, но имелись в виду.

ла» Делёза — четыре раза. Книги аналитических философов, переведенные «Томской школой» также впоследствии были переизданы. Нужно отметить, что и как в случае переиздания «Кино» Жюль Делёза, в переводы часто необходимые или желательные исправления не вносились. Впрочем, это нужно оставить на совесть издателей. В сухом остатке: если ваш перевод раскритикован, то не отчаивайтесь, ждите его переиздания в том же самом виде!

И шансом этим Сергей Фокин сумел воспользоваться. В статье «Перевод как незадача русской философии: Шестов. Бахтин. Подорога... Пушкин» он обвиняет Подорогу в... невнимании к проблемам перевода. Когда «русский мыслитель лоб в лоб сталкивается с проблемой перевода», то «делает вид, что не видит этой проблемы, что это не его проблема, что перевод — не задача философа, который озадачен исключительно истиной»²³. Претензии Сергей Фокин предъявляет к «неверному переводу» известного фрейдовского *Das Unheimliche* (принятый перевод — «жуткое») в качестве «чуждого» в первом томе «Мимесиса»²⁴ Валерия Подороги. Какая страшная ошибка! На основе этого примера Фокин не делает, но явно подразумевает вывод о том, что вся философия Подороги (как и, возможно, его круга) — это просто ошибочный перевод западной (и уже — французской) философии. Тезис не новый и весьма распространенный внутри философской академии по ту сторону дверей сектора аналитической антропологии.

Впрочем, ничего страшного в этом тезисе нет. В своей риторической ипостаси он приписывает Подорогу к традиции русского и советского философского просвещения, которое, разумеется, было исключительно «переводным», то есть состояло в переводах с Запада. Со стороны этической, данный тезис также нейтрален, поскольку известно, как в отечественной философской классике принято работать с западными источниками.

Сергей Фокин пытается «взять в клещи» философскую работу Подороги. С одной стороны теоретическое движение Подороги обвиняется в волюнтаризме — неправомерном применении «западных технологий», на основе которых строится некое «лжетолкование», с другой — в формализме, отсутствии «трепетного чувства в отношении языка». Работа Подороги в такой перспективе оказывается дважды ошибочной, причем неважно, что обвинения не когерентны. Куда интереснее то, что прямой ответ на любое из них немедленно помещает обвиняемого в ловушку другого.

Эта «дилемма переводчика» — он либо «все списал», представил подстрочник, либо «все придумал», подменил источник — выполняется на любом массиве философской работы. Структура критикуемой работы постоянно удерживается на периферии двойной претензии «все списал/все придумал», которая, с одной стороны, позволяет говорить о «вечно тупом переводчике»,

23. Фокин С. Перевод как незадача русской философии: Шестов, Бахтин, Подорога... Пушкин// Логос. 2011. № 5–6 (84). С. 227.

24. Подорога В. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. М.: Культурная революция; Логос; Logos-altera, 2006. Т. 1.

но с другой — оставляет поле смысла открытым, куда врывается вся мощь философской интерпретации. Нечто подобное произошло с «Лекциями о Прусте»²⁵ Мераба Мамардашвили, имеющие очевидные параллели с книгой Делёза «Пруст и знаки». Михаилу Рыклину в свое время удалось спровоцировать скандал, когда его доклад на одной из конференций, посвященных памяти Мамардашвили²⁶, в котором указанные параллели отмечались, стал откровением для людей, считавших себя специалистами по творчеству философа. Тезис Рыклина был неверно понят. Дескать, он утверждал, что Мамардашвили просто «плохо перевел Делёза». И это непонимание вполне симптоматично. Провокация, которую (возможно неосознанно) организовал Рыклин, подрывала культ «одинокого философа», артикулируя одну из позиций «дилеммы переводчика» — если уж Мамардашвили не «все придумал сам», то, очевидно, он «все списал», что лишь подтверждается сокрытием реального «источника» «перевода» или «списывания».

Наличие параллелей, как и тот факт, что Мамардашвили практически нигде не упоминает Делёза, несколько не умаляет ценности его философской работы. Но, с другой стороны, не является ли «Психологическая топология пути» Мамардашвили настоящим *переводом* книги «Пруст и знаки» Делёза? И если это действительно так, если в нем выполнены все требования к переводу, в частности о «рождении текста в другом языке и культуре» и «внимательном чувстве языка», то тогда чем являются многочисленные тексты — продукты переводческой активности — подписанные не именами переводчиков, а именами переводимых авторов?

Возьмем другой случай. Вот фрагмент текста одного из семинаров Валерия Подороги:

Вечные объекты вечны и неизменны, но, чтобы извлечь их и использовать в своих целях, нам необходимо испытывать аффекты, в том числе и аффект от-вращения, отвращения к тем или к тому, что делает эти объекты своей собственностью и как бы говорит, что они могут быть представлены во всей своей полноте только таким образом, но не иным... Кстати, под аффектом я буду понимать высвобождение симпатической системы организма от парасимпатических эмоциональных нагрузок. Кража вечных объектов — она не прекращается. От-вращение — это тоже вид кражи, присваивание себе вечного объекта с помощью определенных визуальных приемов и техник. Отвращение позволяет

25. Мамардашвили М. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995.

26. Рыклин М. Стратегии паука// Произведенное и названное. М.: Ad Marginem, 1998.

нам не только обнаружить отвращаемое, но и ввести его в собственный опыт переживаний, хотя и со знаком минус, но как существующее положение дел. Мы от-вращаемся, а это значит, что обычно наша эмоциональная жизнь идет степенно и сбалансированно по часовой стрелке, мы вращаемся, отвращение — это попытка избежать не столько самого от-вратительного объекта, сколько от-вратиться от него, покинуть эту сферу «вращения», совершить некий скачок в сторону от порядка вращения, вызывающего отвращение. И этот скачок приносит нам другой эмоциональный строй, но на той же волне энергии, совращение. Мы позволяем совратить себя отвратительному объекту, так как мы уже вышли из поля того вращения, что неизбежно вызывает в нас чувство отвращения²⁷.

А вот фрагмент одного из переводов, выполненных Сергеем Фокиным:

Преобразование символов в метафоры и аллегории. Символ — это конкретная космическая сила. Народное сознание, даже в Апокалипсисе, хранит некое чувство символа, обожая при этом грубую Власть. А ведь сколь велико различие между космической силой и идеей верховной власти... Лоуренс набрасывает поочередно некоторые черты символа. Это динамический процесс, направленный на расширение, углубление, растяжение чувственного сознания, это все более и более сознательное становление, противостоящее замкнутости морального сознания на навязчивой аллегорической идее. Это метода Аффекта, интенсивная, кумулятивная интенсивность, которая лишь отмечает порог какого-нибудь ощущения, пробуждение какого-нибудь состояния сознания: символ ничего не обозначает, его, в отличие от рассудочной аллегории, не надо ни объяснять, ни растолковывать. Это вращающаяся мысль, в которой, в противоположность линейной аллегорической цепи, группа образов все быстрее и быстрее вращается вокруг какой-то таинственной точки²⁸.

Совпадения или, если угодно, параллели, видны невооруженным глазом. Разумеется, текст доклада Подороги не является столь «адамичным», каким он мог казаться художникам, участвовавшим в семинаре. И хотя прямых отсылок к Делёзу там нет, есть основания говорить о том, что эти работы связаны скрытой полемикой, возможно даже общей генеалогией, поддающейся восстановлению. Впрочем, возможно, это просто совпадение. Или все-таки — это своего рода *перевод* Подорогой Делёза, вы-

27. Мастерская визуальной антропологии. 1993–1994. М.: Художественный журнал. 2000. С. 47.

28. Делёз Ж. Критика и клиника/Пер. с фр. С. Фокина. СПб.: MACHINA, 2002. С. 69–70.

полненный в определенных обстоятельствах и преследующий собственные цели?

Обвиняя Подорогу в невнимании к проблеме перевода, Сергей Фокин наносит слабый удар. Он вроде бы бьет прямо по цели — в техническое ядро интерпретации, некий «сгиб» от Фрейда к Гоголю, который выполняет Подорога. Но Фокин, видимо, не понимает, что этот интерпретативный ход — и есть та философская ставка, которую делает Подорога. За счет применения подобного методического приема, который профессиональному переводчику видится в тексте профессионального философа как переводческая ошибка, выполняется важная работа — резонанс перспектив, который позволяет заново прочитать Гоголя (и, возможно, Фрейда) и не только прочитать, но построить машину чтений Гоголя, изнутри которых можно порождать различные новые интерпретации. В «переводческой ошибке» «жуткое/чудное» нет речи о переводе, это вообще никакой не «перевод». Подорога изымает у Фрейда модель описания аффекта для переноса в другое место и другое время — из летней Италии в зимнюю Малороссию. И нельзя сказать, что этот ход Подороги запрещен или непродуктивен. Тем не менее, у Фокина существуют возможности для нанесения вполне реального удара по позициям «аналитической антропологии». И связаны они именно что с проблемами перевода. Но никак не с подобными найденным Сергеем Фокиным «ошибками».

К исследовательской программе аналитической антропологии, в той форме, в которой она была частью заявлена, а частью — реализована, вероятно, можно было бы предъявить достаточно вопросов, если поместить ее в фокус подозрения. Не слишком ли она порой неотличима от герменевтики с ее нормативным требованием верной интерпретации, абстракции единства произведения, репрессивными стратегиями привилегированного доступа к архиву или спецхрану, а также к телу и голосу? Является ли сокрытие источников необходимым условием проекта аналитической антропологии? Насколько фигура окруженного учениками, но все-таки одинокого мыслителя, позиция мэтра, коррелятивна фигуре привилегированного читателя, который заперт в библиотеке больших произведений с галереей бюстов великих авторов? Определены ли границы ее применения лишь такими большими произведениями? Каким образом осуществляется селекция объектов аналитической антропологии и кто (и на каком основании) имеет право на авторство? Как технологии медленного чтения связаны с переводческими практиками? Как запрет на интертекстуальное чтение, крайне значимый для аналитической антропологии, соотносится с академической практикой авторской специали-

зации? И, наконец, является ли аналитическая антропология в той мере, в какой она озабочена феноменологией чтения, еще и дериватом определенных институциональных практик, определивших лицо нынешней отечественной философии в ее публичном представлении? В том числе в отношении политик чтения и стратегий производства переводов.

ПЕРЕВОДЫ:

слишком много и слишком мало

Существует расхожее определение советской и вообще русской философии как затянувшегося до бесконечности введения в философию. Если это действительно так, то воображаемый курс такой философии введения в философию мог бы состоять из двух томов. Первый том — введение в философию, второй — хрестоматия к нему. Тогда проблема перевода — это проблема наполнения такой хрестоматии. Задача же местных философов — за счет ресурсов импортозамещения насытить первый том «джерениками» западной мысли и заодно проконтролировать работу переводчиков.

Этот вечный «двухтомник» определяет и политики чтения, и политики философского письма. До определенного момента «двухтомником» ограничивает все, что необходимо прочитать. Этот набор значащих текстов не запрещает обращение к другим источникам, но прочитаны они могут быть — то есть после чтения обрести свои следы изнутри «двухтомника» — лишь в горизонте, обозначенном базовым набором. Далее же все, что будет произведено в качестве собственно местной философии, либо будет отобрано в двухтомник, либо исчезнет.

Поскольку перевод — это работа на просвещение, а не простая трансляция на русский каких-то текстов, то вниманию и контролю подвергается лишь небольшая часть переводов. Остальные имеют почти исключительно «колониальное» значение — они служат для «знакомства» с некоторыми содержаниями. Перевод — «это очень важно». Нельзя давать переводить кому попало, нельзя доверять «несертифицированным» переводчикам. В противном случае может случиться хаос.

Подобный кошмар описала Дина Хапаева, автор симптоматичной книги «Герцоги республики в эпоху переводов». Она жалуется вслед за Ароном Гуревичем на то, что переводов вышло за 90-е и начало 2000-х слишком много (!)²⁹. Что перево-

29. Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов. М.: НЛО. 2005. С. 104.

ды «не осмысляются» и часто издаются без предисловия редактора и послесловия переводчика — этих необходимых реверансов советской культуры перевода — это только часть проблемы. Куда важнее, что нет никакой программы переводов и нет «специально обученных людей», то есть профессионалов, которым можно такую программу доверить. Весь этот ужас дополняется эпической картиной «растерянности перед огромным количеством переведенных книг», которая, скорее, является проекцией отчаяния тех самых «профессионалов» при виде полок книжного, качественное и количественное заполнение которых они уже не в состоянии контролировать.

Впрочем, не все переводы имеет смысл ставить под контроль, но лишь те, которые все еще обладают «просвещенческим потенциалом», могут попасть в «хрестоматию». Существует определенная группа текстов, которые цитируются и обсуждаются. Выбор их часто определяется случаем, но стоять за этим текстом обязательно должна фигура большого автора. В результате практика бесконечного введения в философию в случае включения западных текстов в местный оборот приобрела особые характеристики, скрытые для большинства участников процесса и приводящие к неоднозначным последствиям. Из забавного: переводчик и комментатор небольшого текста может стать академической знаменитостью, как это случилось с Алексеем Гараджой в связи с его переводами статей Деррида, опубликованными в начале 90-х. Тогда как переводчик большой и значимой работы будет оставаться в тени, и более того, на цитирование перевода может быть наложено негласное вето (как вышло с переводом «Письма и различия» Кралечкиной), что означает, что текст работы вообще не будет «читаться», по крайней мере, «в знающих кругах» (чтение произвольной публики, например, студентов, в данной диспозиции никого не интересует). Именно из-за подобных вещей происходят анекдотичные казусы, когда, например, достаточно маргинальный текст крупного западного автора воспроизводится в курсах, обильно цитируется и читается как чуть ли не центральный, о чем сам автор потом с удивлением узнает.

А вот классику может переводить любой, если только классика вдруг не стала актуальной в связи, например, с выходом новой книги большого автора или общим смещением поля академического интереса. В такой ситуации необходимо возвращать контроль. Очевидно, что новейшие переводы и пере-переводы Вальтера Беньямина³⁰ появились по-русски не в связи с непо-

30. См.: Беньямин В. Улица с односторонним движением/Пер. с нем. И. Болдырева. М.: Ad Marginem Press, 2012.; *Он же*. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения/Пер. с нем. колл. перев. М.: РГГУ, 2012.

средственным интересом к этому автору и не в связи с необходимостью «заполнить лакуну», но в результате появившегося запроса из модных областей — левой критики, урбанистики, культурной географии, появления новых модных авторов вроде Джорджо Агамбена или авторов, выведенных из-под цензуры, вроде Карла Шмитта. Забавно, что инициативу по переводу и изданию Бенямина у тех, кто непосредственно занимался им в силу академической специализации, перехватил своеобразный кооператив переводчиков, частично включив этих людей в свой состав, частично исключив, подчиняясь стадному инстинкту и следуя за интеллектуальной модой, далее ее же транслируя. Перевод Бенямина позволяет захватить культурный плацдарм, откуда затем осуществлять набеги на сопредельные территории и собирать дань с тех, кто на этих территориях поселился.

Таким образом, перевод приобретает второе политическое измерение — на этот раз реальное, алибизацией которого выступает забота о просвещении публики и пополнении «хрестоматии». Теперь переводы не производятся ради самих себя или ради благих намерений. На такие переводы, пусть они сколь угодно хорошо оплачены, налагается своеобразный запрет — не их производства и издания, а тиражирования в ссылках и обсуждениях. Настоящий перевод производится в результате смещения экспансионистского фокуса локальной интеллектуальной группы. По новым переводным книгам — как по бакенам — можно судить о том, куда перемещается фарватер исследовательского или, если угодно, захватнического интереса доминирующих интеллектуальных групп. Одновременно происходит переоформление границ таких групп — включение новых членов, перевод старых в запас. Однако внутренняя конкуренция ограниченного числа интеллектуалов никак не влияет на политики доступа к «хрестоматии». Она по-прежнему остается под их общим контролем и определяет горизонт публичного присутствия «сертифицированной» философии, как и политики переводов.

КОЛЛЕКЦИЯ И СПЕЦХРАН

У «хрестоматии», впрочем, есть и иное название — коллекция. Некогда одно из ключевых понятий, наряду с большим автором, программы аналитической антропологии, тезисы которой были изложены в известном интервью главному редактору издательства Ad Marginem Александру Иванову Валерием Подорогой и Михаилом Ямпольским. Это коллекция разнообразных приемов письма, представленных, разумеется, текстами. Коллекция

предполагает быть весьма либеральной, составленной из различных предметов-текстов, ведь ее задача — вывести на первый план то, что было маргинализовано доминирующими тоталитарными практиками и должно бросить вызов «языку посттоталитарного общества»³¹. Однако коллекция также «делает попытку выделить свою нормативность, указав на разрыв, существующий между западной традицией»³² и собственно Россией. Эта «нормативность» коллекции, очевидно, победила другую задачу, обозначенную в программном интервью, а именно — «отразить в своих изданиях... процесс становления других, краевых мыслительных практик»³³. Когда незадачливый издатель Иванов на самом деле приступил к публикации «других мыслительных практик», вроде романов Александра Проханова, ему немедленно предъявили повестку в трибунал³⁴.

Коллекционирование — не невинное занятие. Это колониальная, по сути, практика, а в контексте российского просвещения ее воспроизводство выглядит угрюмо автореферентным. Но сейчас важно другое: коллекционирование имеет непосредственную связь с техниками перевода и репрезентации в России текстов западной философии. Первое условие перевода и условия коллекционирования одно и то же — нейтрализация. Текст становится объектом, он изымается из естественной коммуникативной среды, переносится в среду с радикально иной природой. Из философских джунглей он переводится в музеефицированное пространство таможенного контроля и ограниченного доступа, превращаясь в источник, или произведение (другой крайне значимый для аналитической антропологии термин). Далее произведение подвергается аналитической обработке. Как таковой, текст-объект становится предметом текстурно-топологического анализа, конечным продуктом которого является собственно перевод, каким он должен быть. В процедуре анализа/перевода реконструируются условия чтения — телесные антропологические конфигурации, заключенные в текстах текста-объекта. Задача переводчика — сохранить эту текстуру насколько можно, чтобы уже на ее основании воспроизводить текст в пространстве русскоязычной культуры.

В целом, задача такого перевода долгая и в полном объеме, скорее всего, не реализуемая. Но ее выполнение облегчают не-

31. Философия по краям. Интервью Александра Иванова с Валерием Подорогой и Михаилом Ямпольским // *Ad Marginem* '93. М.: Ad Marginem, 1994. С. 14.

32. Там же. С. 19.

33. Там же. С. 11.

34. См.: Беседа в секторе «Аналитической антропологии» ИФ РАН: К публикации книги «Господин Гексоген» Александра Проханова в издательстве «Ad Marginem» // *Журнал* № 1. Политика. Философия. Искусство. 2003.

сколько факторов. Первый — редукция текста к речевым практикам. Необходимо наблюдать работу текста с телом, чтобы реконструировать затем те же конвульсии в другой среде. В связи с этим важно второе — непосредственный контакт с автором. И дело вовсе не в том, что автору приписывается право первой ночи со своими текстами. Автор как автор не обладает привилегией на интерпретацию своего текста, но необходим автор-тело, то есть даже не живой автор, не его имманентный персонаж в тексте, но некая телесная стратегия, благодаря которой может быть ясна фигура идеального читателя такого текста. Неважно какая, быть может, сам бог. Третий фактор — стать другом, не столько автора, сколько его воображаемого идеального читателя, если не самим таким читателем. Забавно поэтому наблюдать, как отечественные специалисты по западной философии привычно называют своих контрагентов друзьями.

Эти политики дружбы не отличаются дружелюбием. Ключевой пункт этих политик дружбы — ограничение доступа. Коллекция обращается тем, чем она исходно и была — спецхраном. Местом, где как концы в воду прячутся ссылки. Территорией ограниченного доступа для интеллектуальных элит.

Было бы интересно проследить, когда и каким образом начинает функционировать этот «спецхран». Ответ на этот вопрос мог бы, возможно, дать документальный фильм-исследование Александра Архангельского «Отдел», посвященный формированию шестидесятнических академических элит, если бы автор фильма не был чересчур очарован их нескромным обаянием. Продукция западных интеллектуалов оседала осадками на железном занавесе, с которого бережливые руки институтских сотрудников собирали ее в некий корпус недоступного, но желанного знания. И оттуда же организовывались его разнообразные утечки — в виде ли дефицитных инициальных сборников, тайных ксероксов, переводов или авторских текстов, скрывавших свое происхождение, но по сути осененных лучами Солнца, всходящего на Западе. Практически вся интеллектуальная жизнь была организована вокруг этих утечек. Сегодня можно услышать ностальгические жалобы людей, чьи читательские привычки сформировались в период дефицитного чтения — мол, нет более единого поля мысли, поскольку книг выходит слишком много, не то, что раньше, когда перевод небольшой статьи известного автора превращался в целое событие, обсуждавшееся месяцами.

Спецхран — это не буферная зона, порожденная политиками цензуры, разрушив которую можно получить академическую свободу. Это институт просвещения и одновременно условие публичности отечественной философии. Спецхран позволя-

ет собираться символическому полю, в котором производится фактически единственная практика, доступная для местных интеллектуалов — чтение/перевод.

Свободы 90-х и новые информационные технологии вроде бы должны были разрушить эту логику спецхрана. Но российские интеллектуалы с параноидальным упорством ее воспроизводят. В особенности та ее часть, которая по каким-то причинам считает связи с Западом своим конкурентным преимуществом. Впрочем, задача этих связей состояла по большей части в их замыкании на интеллектуальную группу, которая тем самым получала своего рода ярлык на просвещение. Последнее же оказывается алиби группы, занятой лишь удержанием своих привилегированных позиций по наполнению «хрестоматии». Причем, по преимуществу, и вправду, различными продуктами «краевых мыслительных практик» больших авторов. В результате автор — большой автор — должен не раскрываться благодаря переводам, а оставаться закрытым. Именно поэтому, как правило (а не как странная девиация российского книгоиздания) основные работы не переводятся, а переводятся небольшие трактаты по разным случаям, собираемые не в «зоопарк» западной мысли, а предельно частную «коллекцию». С переводом же больших текстов предпочитают тянуть, закручивая интригу до последнего. В итоге функционирование системы совпадает со своим собственным стагисом. Утечек из спецхрана становится все меньше, но лишь потому, что они все менее заметны на фоне настоящего океана информации, в той числе «переводной».